

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 120–128.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 3 (84). P. 120–128.

Научная статья
УДК 316.422
doi: 10.54398/1818-510X.2025.84.3.014

РЕФОРМА КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Глазунов Николай Геннадьевич

Федеральное бюро медико-социальной экспертизы, г. Москва, Россия
nickglazunov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3968-9161>

Аннотация. Социальные институты и структуры периодически испытывают объективную потребность в изменениях, которая продиктована невозможностью социальной системы функционировать в предыдущем качестве и по устоявшемуся алгоритму. Одним из способов системных социальных изменений являются реформы, как правило, инициируемые и направляемые властью. Статья нацелена как на анализ имеющихся научных подходов к изучению социальных реформ, так и на обоснование нового подхода к пониманию данного социального явления. Работа базируется на социально-философских идеях, содержащихся в трудах В. И. Ленина, П. Б. Струве, Л. И. Абалкина, Т. И. Ойзермана, С. Хантингтона, А. Турена. Использование сравнительно-исторического метода, а также методов аналогии, интерпретации позволило предложить понимание реформизма как особого вида социальной практики, ориентированного на целенаправленное изменение социума. В статье обосновывается подход, призванный выявить исключительно объективные характеристики феномена реформ, свободные от оценочных суждений и метафоричных сравнений. В частности, реформа рассматривается как режим социальных преобразований. При этом принципиально важно, чтобы власть сохраняла управляемость протекающими социальными изменениями, сохраняла за собой приоритет в выборе объектов реформирования, последовательности реформационных мероприятий, скорости их реализации и т. п.

Ключевые слова: социальные изменения, реформа, революция, режим, власть, управление, контроль, элита, качество, интерпретация

Для цитирования: Глазунов Н. Г. Реформа как познавательная категория и социальная практика // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 120–128. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.014>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

A REFORM AS A COGNITIVE CATEGORY AND A SOCIAL PRACTICE

Nikolai G. Glazunov

The Federal Bureau of Medical and Social Expertise, Moscow, Russia
nickglazunov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3968-9161>

Abstract. Social institutions and structures tend to experience an objective need for changes. It is dictated by inability of a social system to function in its previous capacity and according to an established algorithm. One of the ways of systemic social change is reforms, which are usually initiated and directed by the government. The article is aimed both at analyzing existing scientific approaches to social reforms study, and at substantiating a new approach to understanding this social phenomenon. The work is based on socio-philosophical ideas contained in the works of V. I. Lenin, P. B. Struve, L. I. Abalkin, T. I. Oizerman, S. Huntington, A. Touraine. The use of comparative historical method, as well as methods of analogy and interpretation made it possible to propose an understanding of reformism as a special type of social practice focused on purposeful social change. The article substantiates an approach designed to identify only objective characteristics of the reform phenomenon, free from value judgments and metaphorical comparisons. In particular, reform is seen as a mode of social transformation. At the same time, it is fundamentally important that the government maintains control

over any ongoing social changes, retains priority in choosing the objects of reform, the sequence of reform measures, the speed of their implementation, etc.

Keywords: social change, reform, revolution, regime, power, governing, control, elite, quality, interpretation

For citation: Glazunov N. G. A reform as a cognitive category and a social practice. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 3 (84), pp. 120–128. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.014> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Изучение реформ, изменяющих социально-экономические и политические структуры, является не только актуальной темой теоретических исследований, но и практической задачей. Главной целью реформ является улучшение структуры существующих общественных институтов, качества их функционирования, а также выведение их внутри- и межсистемных связей на принципиально новый уровень.

Отправной точкой реформ является констатация факта, что существующая социальная система или ее отдельные элементы не функционируют на том уровне, который необходим для обеспечения жизнеспособности системы, возможности оперативно реагировать на изменение ситуационного окружения, постановку и решение стратегических и тактических задач. На данном этапе речь идет о диагностировании проблем, мешающих дальнейшему развитию социальной системы.

«Реформа, – отмечает И. И. Кравченко, – представляет собой рациональный целенаправленный процесс, включающий все обычные фазы любого преобразования: замысел нового объекта, целеполагание, отбор ресурсов, выбор средств и методов, планирование в пространстве и времени, учет зависимых и независимых переменных и вероятностного характера процесса, группировку исполнителей, схему принятия решений и т. д.» [7, с. 450].

Логическим следствием данной ситуации является формирование программы реформ, в которой должны быть четко определены объекты, подлежащие реформированию, а также определены конечные итоги, достижение которых призвано обеспечить решение стоящих перед обществом задач.

Как правило, не представляется возможным говорить о реформах как целенаправленной социально-экономической и политической практике, если ей не предшествует теоретическая разработка предстоящих реформ. Реформизм с необходимостью изначально формируется как теория и лишь потом реализуется как социальная практика.

Основная часть

Реформизм как течение социально-экономической и политической мысли, а также соответствующая политическая практика, своими истоками восходит к начавшейся в конце XIX в. ревизии классического марксизма. У истоков данного процесса стояли соратники основоположников марксизма – Э. Бернштейн и К. Каутский. В России на рубеже XIX–XX вв. к переосмыслению марксизма приступили в недавнем прошлом его убежденные адепты – П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев.

«Ревизионисты» фактически повторили путь самого Маркса. Отечественный исследователь марксизма Т. И. Ойзерман отмечал: «...Маркс и Энгельс были величайшими ревизионистами в истории общественной мысли. Отрицание (разумеется, в диалектическом смысле) составляло теоретическую основу их отношения к идейному наследию» [10, с. 32]. Анализ теоретических истоков марксизма показывает, какую жесткую «селекцию» идейного наследия своих предшественников провели Маркс и Энгельс, критически переосмысливая, отрицая и давая новые интерпретации имевшемуся на тот момент научному наследию.

Каков был исходный тезис Маркса? Освободить научно-теоретическую мысль от догматизма, привести научные исследования в соответствие с требованиями современности и, что, пожалуй, самое важное, – представить политические, экономические, социальные сферы общества как комплекс глубоко интегрированных систем и процессов.

Что сделали «ревизионисты»? Опираясь на факты социально-экономической и политической жизни, исходя из базового постулата марксизма о практике как критерии истины, приступили к пересмотру ряда теоретических положений марксизма, которые не получили своего подтверждения на практике. Центральными объектами критики ревизионистов стали положения о неизбежности революции, необходимости диктатуры пролетариата и классовой борьбе как механизме развития общества.

В России первая масштабная работа, посвященная анализу экономического развития, исходя из методологических принципов марксизма, принадлежала П. Б. Струве [11]. Именно Струве выступил в России первым критиком Маркса, в некоторых вопросах опередив даже Э. Бернштейна, которого традиционно считают инициатором ревизии марксизма.

В марксистской теории Струве выделял два уровня: первый – строго научный анализ сфер общественной жизни. В этом вопросе научные заслуги Маркса бесспорны. Второй уровень – научно несостоятельная идеология, содержащая эсхатологические мотивы.

По мнению Струве, марксизм стремится рационализировать все социально-экономические процессы, но «...ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и неспособен все происходящее на нем процессы подчинить одному плану» [12, с. 550].

Отнесение идеи о неизбежности социальной революции к разряду научно несостоятельных теорий с неизбежностью концентрировало внимание теоретиков, а позднее политиков-практиков, именно на реформе как на единственно приемлемом и социально ответственном способе общественных преобразований.

Европейская история начала XX в. недвусмысленно свидетельствуют о том, что идеи реформизма быстро заняли доминирующее положение в теории и практике социал-демократии.

Пожалуй, лишь партия большевиков последовательно выступала против реформизма. Анализ теоретических работ Ленина и его деятельности в качестве главы советского правительства приводят к выводу, что он воспринял в первую очередь именно ту составляющую марксизма, которую европейские ревизионисты сочли научно необоснованной. В социальных взглядах Ленина, как известно, доминирующее положение занимали именно проблемы, связанные с революцией, диктатурой пролетариата и классовой борьбой.

По сути дела, Ленин также осуществил ревизию марксизма, абсолютизовав его классово-революционную составляющую и практически проигнорировав целый ряд принципиальнейших для марксизма положений. Так, известная концепция Ленина о России как о «слабом звене» в цепи империалистических держав (в силу неразвитости капиталистических отношений), очевидно, является антимарксистской. По Марксу, победа социалистической революции, крах капитализма и переход власти в руки пролетариата возможны лишь в странах, где возможности капиталистического пути развития полностью исчерпаны и где пролетариат занимает доминирующее положение в процессе производства. В России, в которой крепостное право было отменено лишь в 1861 г., ни о какой исчерпанности капиталистического пути развития речь в принципе не могла идти.

После прихода большевиков к власти «революционная» парадигма общественного развития на долгие годы стала доминирующей и в теории, и на практике, а ленинские характеристики реформ и реформизма в течение десятилетий и вовсе признавались единственно возможными.

До прихода к власти и позднее В. И. Ленин часто высказывал свое отношение к реформам и реформизму. В качестве центрального тезиса, характеризующего отношение Ленина к реформам, может быть назван следующий: «Социал-демократия рассматривает реформы и использует реформы как побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата» [8, с. 108]. Ставшее хрестоматийным определение Ленина о реформе как побочном продукте революционной борьбы, априори отказывает реформе в самостоятельной социальной роли. Максимальный радикализм революционных требований, по Ленину, и есть источник реформ, «ибо действительной силой, порождающей реформы, является сила революционного пролетариата, его сознательности, сплоченности, непреклонной решимости в борьбе» [8, с. 108].

Реформа в ленинском понимании – всегда вынужденный шаг со стороны власти: «Реформа есть уступка, которую делают правящие классы, чтоб задержать, ослабить или затушить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.» [8, с. 107].

Ленин много говорит о диалектической взаимосвязи революции и реформ. Указывая на смысловую противоположность данных понятий, он не отказывает реформе в праве на существование, но взаимозависимость революции и реформы Ленин представлял достаточно однобоко. Анализируя влияние крестьянской реформы 1861 г. на жизнь российского общества, он писал: «...эта реформа, оставшаяся реформой в силу слабости известных общественных элементов, создала... условия для дальнейшего развития этих элементов, – условия, расширившие ту базу, на которой старое противоречие разыгрывалось, расширившие круг тех групп, слоев, классов населения, которые могли сознательно принять участие в «разыгрывании» этих противоречий» [9, с. 167–168].

Таким образом, реформа, в частности крестьянская, по мысли Ленина, создает объективные предпосылки к революции. Реформа способствует становлению социальных сил, которые на момент проведения реформы были еще слабы, чтобы играть заметную общественную роль и которые как раз благодаря реформе получают возможность включиться в активную социальную деятельность, оказывая все возрастающее влияние на процессы, протекающие в обществе. Следовательно,

реформа объективно увеличивает революционные силы, которые в последующем будут участвовать в «разыгрывании» имеющихся противоречий. Согласно Ленину, любые социальные процессы в конечном итоге ведут к революции.

В советской науке ленинское понимание реформ и реформизма было непререкаемым авторитетом, если не сказать более – догмой, хотя в нем имелся целый комплекс непроясненных вопросов. Например, насколько методологически оправдано противопоставление реформы и революции как противоположных по смыслу понятий? Также сомнительным выглядит тезис Ленина о том, что реформа приводит к расширению круга тех групп, слоев, классов населения, которые будут принимать участие в «разыгрывании» противоречий, имеющихся в обществе.

Сконцентрировав свое внимание на разграничении понятий «реформа» и «революция», а также их диалектической взаимосвязи, Ленин обошел вниманием вопрос о сущностных чертах реформ. Работа в данном направлении продолжалась уже советскими учеными, которые должны были провести достаточно сложную работу – исходя из общих положений Ленина детализировать картину реформизма положениями, не противоречащими подходам Ленина к этому вопросу.

В советских исследованиях реформизм (в духе ленинских указаний) непременно был увязан с неприятием классовой борьбы и революции, что оценивалось неизменно отрицательно, ибо это было покушение на базисные принципы ленинизма.

В принципе, советская наука немного нового привнесла в понимание сущности реформ. Вместе с тем в советской науке все-таки прозвучал тезис, который нам представляется важным для понимания феномена реформы. Реформа понималась как преобразование «...не уничтожающее основ существующей социальной структуры» [3, с. 58].

Мировые успехи рабочего и профсоюзного движения, существенное расширение прав различных социальных слоев, рост благосостояния наиболее социально незащищенных слоев ставляли более внимательно относиться к возможностям социальных преобразований посредством реформ. С этим связано уточнение понятийного аппарата, введение такого понятия как «структурная реформа», которое полнее отражало социально-политические и экономические реалии второй половины XX в. Это было продиктовано невозможностью использовать ленинские подходы, сформировавшиеся в начале XX в., в совершенно других исторических условиях.

Крушение советской идеологии позволило более объективно рассматривать феномен реформ, отойдя от директивных ленинских указаний. Вместе с тем расширение спектра оценок реформ и плюрализация подходов к раскрытию сущности данного феномена дали неоднозначные результаты.

В работах последних лет часто прослеживается смешение понятий. В. И. Шишкина определяет реформу следующим образом: «...реформа может быть определена как революционная стратегия революционных реформ, ибо предполагает преобразование основ, на которых базируется экономическая, социальная, политическая власть в обществе» [14, с. 52].

Очевидно, что, определяя реформу через революцию, мы логически неизбежно попадаем в тупик и не продвигаемся в раскрытии сущностных характеристик реформ.

Также несостоятельным представляется достаточно распространенный подход определять реформу через критерий радикальности изменений, привносимых в основные сферы жизни общества [14, с. 48]. Во-первых, само понятие радикальности имеет условный характер и во многом зависит от идейно-ценностных установок субъекта. Во-вторых, очевидно, что революция – явление значительно более радикальное, чем реформа, как минимум, по скорости протекания и по суммарному влиянию, оказываемому на социальные структуры и процессы. Таким образом, исходя из подобных теоретических установок, какие-либо качественные различия между реформой и революцией фактически полностью исчезают. В-третьих, подобные определения несут в себе лишь констатирующую составляющую, в то время как научный анализ любого явления предполагает стремление выявить сущностные характеристики изучаемого феномена.

Интересную точку зрения представил И. И. Кравченко – реформу он понимает как «...преобразование, изменение содержания отдельного социального (политического, экономического, культурного) объекта или процесса без изменения его формы... или формы без изменения содержания... или содержательные и формальные изменения без преобразования тех или иных основ – общественных, экономических и др. отношений...» [7, с. 450].

Как видим, здесь не преодолена определенная узость подходов к рассмотрению феномена реформизма. Реформа по-прежнему рассматривается как нечто отдельное, частное, не изменяющее ни социальные структуры, ни институты, ни процессы, протекающие в их рамках. Значительную трудность в определении сущности реформ несет неизбежный фактор сопряженности данного понятия с понятием революции. Основную функцию реформ И. И. Кравченко определяет следующим образом: «...взаимодействие с революцией (если реформы прогрессивны) или с эволюцией (если реформы консервативны или реакционны)» [7, с. 450].

Подобный подход ставит больше вопросов, чем дает каких-либо ответов. Каким образом при прогрессивном характере реформ осуществляется взаимодействие с революцией? Как реформа и революция взаимодействуют в социальном пространстве? Кто из них оказывает решающее влияние на процессы, протекающие в обществе? Что несут в себе «реакционные реформы» и каково вообще содержание данного понятия?

Таким образом, рассмотрев наиболее распространенные подходы к понятию реформы, мы вынуждены констатировать следующее. Сложившиеся подходы не способствуют исчерпывающей экспликации данного понятия. В науке продолжается явное или неявное противопоставление понятий «революция» и «реформа», или встречаются абсолютно тупиковые с исследовательской точки зрения попытки дать определение одного из этих понятий через другое. Кроме этого, также сохраняется идущее от Ленина восприятие реформы как несамостоятельного, «вторичного» способа воздействия на социум. Изучение феномена реформ настойчиво требует радикального пересмотра методологических подходов и критериев, сложившихся в науке, в противном случае данная проблема и впредь будет загнана в прокрустово ложе методологически бесперспективных вариантов анализа.

Немалым препятствием в процессе анализа реформ является фактор стилистико-терминологический, от которого оказались несвободны даже научные публикации. Так, реформы, приводящие к глубинным изменениям в общественных институтах и социальных отношениях, нередко обозначают как революционные. Используя подобное сравнение, авторы стремятся подчеркнуть грандиозность происходящих событий. Вместе с тем, это только запутывает проблему, т. к. приводит к пересечению объемов понятий «реформа» и «революция», которые, наоборот, необходимо разграничить.

Нередко при характеристике реформ, стремясь подчеркнуть их значимость, говорят об их масштабности. Само это понятие спорно для социальных наук, т. к. затруднительно определить бесспорные критерии масштабности.

Подобный подход наглядно проявляется у И. И. Кравченко: «Системная совокупность последовательных реформ может стать равнозначной революции по масштабам и последствиям преобразований...» [7, с. 450].

Как видим, стремление подчеркнуть глобальность происходящих социальных изменений приводит автора к уравниванию понятий «реформа» и «революция», они утрачивают свое специфическое содержание и совпадают по объему.

Таким образом, попытки дать реформе определение посредством использования понятия «революция» являются методологически тупиковыми. Происходит переименование объемов данных понятий, а временами – превращение их в тождественные понятия. Столь же бесперспективными представляются попытки характеризовать реформу, используя критерии масштабности и глубины. Используя подобные характеристики при анализе процессов, протекающих в обществе, мы подменяем научный анализ наглядными сравнениями, которые лишь создают иллюзию очевидности. Столь же тупиковыми представляются обращения к понятию «качества», ибо качественные характеристики социальной системы изменяются и при революционном сценарии социальных изменений, и в процессе реформ, следовательно, изменение качества не может являться безусловным критерием революции или реформы.

На наш взгляд, представляется более оправданным, анализируя феномен реформ, сконцентрироваться на понятиях формы, структуры и института. Изменение сфер общественного бытия осуществляется посредством новых форм. Следовательно, речь идет о чем-то, имеющем институциональное оформление. Более того, в процессе реформаторской деятельности видоизменяются не только социальные институты. Содержательно изменяются сами социальные практики, алгоритмы внутрисистемного взаимодействия, ибо без их изменения и без субъекта, воспринявшего эти изменения, новые социальные структуры не будут функционировать.

При характеристике реформ представляется обоснованным использовать понятие режима. Что позволяет нам характеризовать реформу именно как режим социальных изменений? В первую очередь, фактор управляемости. Реформа всегда имеет своих разработчиков, определенные цели и объекты, подлежащие реформированию, материальный и властный ресурс, позволяющий добиться поставленных целей, при сохранении механизмов влияния на социальные процессы, при необходимости изменяя их темп, объекты реформирования и т. п. Отсутствие вышеуказанных составляющих характеризует именно революционный режим трансформации социальной системы.

В процессе осуществления реформ существенную роль играет их последовательность, в первую очередь речь идет о соотношении реформы политической и реформы экономической. Эта дилемма является одной из первых, которую власть, инициировавшая реформы, вынуждена решать. Если речь не идет о политической реформе, если политическая система стабильна, то проблема существенно упрощается.

Принципиально по-другому обстоит дело, если страна нуждается и в экономической, и в политической реформах одновременно, как это наблюдалось в 80-е гг. в СССР и странах Восточной

Европы, вступивших в посткоммунистическую эпоху. В этом случае процесс реформирования радикально усложнялся, т. к. речь шла фактически об одномоментных изменениях в политической, социально-экономической и идеологической сферах общественной жизни.

В этой ситуации представляется более оправданным путь, избранный руководством Китая, – выбор экономических реформ в качестве приоритетной задачи, ибо если политические реформы предшествуют экономическим, то «...реформа экономики проводится в неблагоприятных условиях: сужается до минимума возможность маневра, у общества очень мал запас прочности» [2, с. 135].

Как известно, большинство посткоммунистических стран, начав политические реформы, вступили в период затяжного кризиса, а некоторые из них и вовсе перестали существовать в прежнем качестве, что повлекло за собою катастрофы как геополитического масштаба, так и национального характера (распад СССР, Югославии, Чехословакии, падение коммунистических режимов в Африке и Азии).

Руководство Китая, не допустив дестабилизации политической системы, сохранило ресурсы влияния на социальные процессы, а также ресурсы, необходимые для экономических реформ.

Следующий этап реформирования социальной системы, как правило, является самым сложным и социально ответственным с точки зрения практической реализации – возможность корректировать программу, содержание и темп реформ в процессе их реализации.

Чрезвычайно показательны в данном случае реформы, осуществлявшиеся М. С. Горбачевым и Дэн Сяопином. Выбор СССР и Китая в качестве примера представляется более чем оправданным, т. к. реформировались системы сущностно не просто близкие, а фактически идентичные в структурно-институциональном плане, ибо и СССР, и Китай к началу 1980-х гг. в политическом и социально-экономическом отношении являлись различными модификациями исходного оригинала – сталинской модели социализма.

Дэн Сяопин, объявив программу «четырёх модернизаций», в течение десяти лет достаточно последовательно ее осуществлял, несмотря на то, что «модернизация является термином, о котором в Китае часто говорят и дискутируют в деталях, и его теоретические принципы установлены через долговременную практику. Однако достижение актуального модернизационного стандарта является более сложным делом, и до сегодняшнего дня нет окончательного согласия, как и когда он может быть полностью достигнут» [16, с. 2]. Как видим, осуществляя реформы, Дэн Сяопин, чтобы избежать обвинений со стороны ортодоксальных маоистов в буржуазном реформизме, по идеологическим причинам отдавал предпочтение термину «модернизация», хотя, пожалуй, используя подход А. Турена, было бы более обоснованно говорить о контрмодернизации как сознательной и целенаправленной попытке пойти путем незападной модернизации [17, с. 448–450]. Развитие по модели контрмодернизации обусловлено несколькими факторами, важнейшим из которых является невозможность механического копирования социального опыта стран Запада. Это отмечал еще С. Хантингтон, который считал ошибочной идею, что будто все общества должны пойти по западной модели развития. Это «абсолютно ошибочное положение, т. к. Запад не универсален, а уникален» [15, с. 69]. Это в полной мере осознавал Дэн Сяопин.

Когда в результате студенческих волнений 1989 г. процесс реформ грозил потерять управляемость и перейти в режим, который был бы разрушителен для социальной системы Китая, власти сохранили к этому моменту достаточные для влияния на социально-политическую ситуацию ресурсы, которые позволили осуществление реформ резко остановить. Как известно, силовое подавление студенческих выступлений встретило резкое осуждение в мире, а Китай систематически критиковался за «недемократичность» политической системы [19]. Вместе с тем пауза, взятая в осуществлении реформ, позволила скорректировать их программу, устранить допущенные ошибки и в 1992 г. приступить к новому этапу реформ, который длится по сей день.

Реформирование социальной системы возможно лишь при соблюдении одного принципиального условия – наличия общественной стабильности, которая является «ключом» к реформам. Без общественной стабильности невозможна управляемость процессами реформирования, а без этого невозможно добиться каких-либо социально положительных результатов. Российский специалист по новейшей истории Китая – Л. П. Делюсин – опираясь на оценки «архитектора китайских реформ» Дэн Сяопина констатирует: «...излишняя поспешность (в проведении реформ. – Н. Г.) может нарушить стабильность в обществе, а поддержание порядка и стабильности – главное условие для успешного проведения реформ» [5, с. 84].

Обратной была ситуация в Советском Союзе. «Сделав выбор в пользу первичности политических преобразований, Горбачев не просто отодвинул на второй план экономическую реформу. Начиная с 1987 г. каждый новый шаг в сторону рыночной экономики оказывался осложнен необходимостью “вписываться” в быстро меняющийся политический контекст, а ожидаемый политический эффект от намечаемых экономических мероприятий поначалу побуждал Горбачева и его окружение выбирать из возможных решений те, которые казались наименее рискованными» [6, с. 30]. Начиная с 1989 г. руководство страны стало не только утрачивать инициативу в политике проведения реформ, уступая ее формирующимся оппозиционным силам, но и возможность влиять на социально-экономические процессы. Академик-экономист Л. И. Абалкин, занимавший в 1989–1990 гг.

пост заместителя председателя Совета министров СССР, так описывал ситуацию конца 1980-х гг.: «... начавшееся уже тогда разрушение традиционных (*т. е. сложившихся на тот момент.* – Н. Г.) структур, существенно опережавшее формирование рыночных механизмов, нараставшие центробежные силы сепаратизма, недееспособность вновь избранных Советов привели вскоре к почти полной потере управляемости экономики» [1, с. 33]. К 1991 г. Горбачев уже не имел ресурсов, которые позволяли бы союзному правительству влиять на ситуацию в стране.

Учитывая опыт реформирования Советского Союза, нельзя не признать фактор управляемости реформами важнейшим методологическим принципом, без учета которого невозможна ни одна реформа, ориентированная на положительный социальный эффект.

Говоря о реформах как о системе мероприятий, имеющей цель, содержание, этапы реализации мы, в конечном итоге, подходим к важнейшей характеристике любого процесса реформирования. «Реформа, – отмечает А. С. Быстрова, – это, прежде всего, институциональные изменения, осуществляемые государственной властью определенным способом» [4, с. 176].

Предмет реформирования всегда имеет институциональное оформление. Поэтому, возвращаясь к приводившемуся выше сравнению реформ в СССР и Китае, вполне уместно опереться на мнение экономиста Я. Корнаи. Он писал, что многосложный процесс реформы может развиваться в отличающихся друг от друга по своей экономической природе структурах – в государственных и частных секторах. И к рыночному хозяйству можно продвигаться только постепенно, с приобретением частным сектором доминирующего положения [2, с. 116].

В данной характеристике отмечено несколько принципиальных моментов. Во-первых, основополагающий и для Китая, и для СССР 1980-х гг. вопрос соотношения государственного и частного секторов экономики. Различие между этими секторами имеет принципиальный характер. Обе страны приступали к реформам в условиях стопроцентного государственного сектора в экономике. Изменение их соотношения требует значительного времени, поэтому Дэн Сяопин никогда не определял конкретных сроков окончания реформ, лишь указывая, что, возможно, на это уйдут даже не годы, а десятилетия. Именно десятилетия нужны для того, чтобы добиться доминирования частного сектора в экономике, сохраняя общественную стабильность и управляемость социальными процессами [13]. В этой связи по закону 1992 г. в Китае допускалось существование более десяти видов собственности. Реформы стали демонстрировать положительную динамику, когда руководство Китая стало уделять преимущественное внимание не городу, а деревне. Система поддержки домохозяйств, подъем сельского предпринимательства в самом отсталом секторе национальной экономики позволили решить проблему систематической нехватки продовольствия и обеспечить значимую социальную поддержку проводимым реформам [18, с. 44–89]. Такой подход позволял с наименьшим напряжением общественных сил добиться трансформации преобладающего в экономике государственного сектора в сектор частный.

Ситуация в СССР была обратной. И Горбачев, и особенно Ельцин уже в постсоветскую историю России стремились к максимально быстрой трансформации госсектора в частный. Отсутствие вариативности в способах преобразования госсектора в частный, авральные сроки в конечном итоге привели к разрушению советской социальной системы. Был осуществлен «... набор действий, подрывающих фундамент функционирования командно-административной экономики, но не приводящих к запуску новой хозяйственной модели и, тем более, к достижению макроэкономической стабильности» [6, с. 31]. В этой связи можно отметить, что еще в 1992 г. английский исследователь Дж. Росс, сопоставляя модели развития российской и китайской экономик, пришел к выводу, что «для России наиболее приемлем именно тот механизм реформирования экономики, который был осуществлен в Китае» [2, с. 117].

Выводы

По нашему мнению, бесперспективно пытаться эксплицировать понятие реформы, обращаясь к аналогиям глубины, масштабности и другим оценочным суждениям, которые лишь создают иллюзию раскрытия содержания понятия. Также тупиковым представляется использование для этой цели понятия революции – это приводит к нивелировке их качественных различий.

Наиболее перспективным представляется подход к пониманию реформы как особого режима трансформации социальной системы, которому предшествует анализ имеющихся социальных проблем, определение объектов реформирования, выбор необходимых мероприятий, их последовательности, а также темпа практической реализации. Вся предварительная подготовка реформ осуществляется властью, доминирующими в обществе социально-экономическими и политическими элитами. Решающим фактором эффективности реформ является сохранение властью управляемости на всех этапах трансформации социальной системы и возможности вносить необходимые коррективы в практику осуществления реформ.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Неиспользованный шанс: полтора года в правительстве / Л. И. Абалкин. – Москва : Политиздат, 1991. – 304 с.
2. Беляева, Л. А. Становление смешанной экономики в России и трансформация социальной структуры общества / Л. А. Беляева // Смешанная экономика: социокультурные аспекты. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, Институт философии РАН, 1994. – С. 112–138.
3. Бовин, А. Е. Реформа / А. Е. Бовин // Большая советская энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1975. – Т. 22. – С. 58–59.
4. Быстрова, А. С. Возможности и пределы антикоррупционных реформ в России / А. С. Быстрова // Власть и элиты в российской трансформации. – Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2005. – С. 175–193.
5. Делюсин, Л. П. Китай: полвека – две эпохи / Л. П. Делюсин. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2001. – 294 с.
6. Ефременко, Д. В. Россия между системными катастрофами и эволюционными трансформациями: политико-онтологические аспекты / Д. В. Ефременко, А. Ю. Долгов, Я. В. Евсеева // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 24–42. – doi: 10.17976/jpps/2017.05.03.
7. Кравченко, И. И. Реформа / И. И. Кравченко // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 450.
8. Ленин, В. И. Как не следует писать резолюций / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – Москва : Политиздат, 1972. – Т. 15. – С. 89–112.
9. Ленин, В. И. По поводу юбилея / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – Москва : Политиздат, 1973. – Т. 20. – С. 161–170.
10. Ойзерман, Т. И. Оправдание ревизионизма / Т. И. Ойзерман // Избранные труды : в 5 т. – Москва : Наука, 2014. – Т. 3. – 741 с.
11. Струве, П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России / П. Б. Струве. – Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1894. – 291 с.
12. Струве, П. Б. Лев Толстой / П. Б. Струве // Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). – Санкт-Петербург : Изд-во Д. Е. Жуковского, 1911. – С. 531–555.
13. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / отв. ред. В. Г. Федотова. – Москва : Институт философии РАН, 2010. – 274 с.
14. Шишкина, В. И. Диалектика эволюции и революции в общественном развитии (альтернативные концепции) / В. И. Шишкина // Исторический процесс: истоки, перипетии, перспективы. – Москва ; Йошкар-Ола : МГУ им. М. В. Ломоносова, Марийский гос. техн. ун-т, 2003. – Вып. 4. – С. 45–56.
15. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S. P. Huntington. – New York : Simon & Schuster, 1996. – 367 p.
16. Modernization in China: the Effects of its People and Economic Development. – Beijing : Foreign Languages Press, 2004. – 249 p.
17. Touraine, A. Modernity and Cultural Specificities / A. Touraine // International Social Science Journal. – 1988. – № 18. – P. 443–457.
18. Wu, J. Understanding and Interpreting Chinese Economic Reform / J. Wu. – Ohio : Thomson / South-Western, 2005. – 480 p.
19. Yang, D. L. Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politic of Governance in China / D. L. Yang. – Stanford : Stanford University Press, 2004. – 432 p.

References

1. Abalkin, L. I. *Neispolzovannyi shans: poltora goda v pravitelstve* [The chance missed: a year and a half in the government]. Moscow: Politizdat, 1991, 304 p.
2. Belyaeva, L. A. *Stanovlenie smeshannoy ekonomiki v Rossii i transformatsiya sotsialnoy struktury obshchestva* [The formation of a mixed economy in Russia, and the transformation of the social structure]. *Smeshannaya ekonomika: sotsiokulturnye aspekty* [Mixed economy: socio-cultural aspects]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS, Institute of Philosophy of the RAS; 1994, pp. 112–138.
3. Bovin, A. E. *Reforma* [Reform]. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya; 1975, vol. 22, pp. 58–59.
4. Bystrova, A. S. *Vozmozhnosti i predely antikorruptsionnykh reform v Rossii* [The possibilities and limits of anti-corruption reforms in Russia]. *Vlast i elity v rossiyskoy transformatsii* [Power and Elites in the Russian Transformation]. Saint Petersburg: Intersocis; 2005, pp. 175–193.
5. Delyusin, L. P. *Kitay: polveka – dve epokhi* [China: half a century – two eras]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS; 2001, 294 p.

6. Efremenko, D. V., Dolgov, A. Yu., Evseeva, Ya. V. Rossiya mezhdu sistemnymi katastrofami i evolyutsionnymi transformatsiyami: politiko-ontologicheskie aspekty [Russia between systemic catastrophes and evolutionary transformations: Political and ontological aspects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [The policy. Political research]. 2017, no. 5, pp. 24–42, doi: 10.17976/jpps/2017.05.03.
7. Kravchenko, I. I. Reforma [Reform]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 tomakh* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl; vol. 3, p. 450.
8. Lenin, V. I. Kak ne sleduet pisat rezolyutsiy [How not to write resolutions]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 tomakh* [Complete works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat; 1972, vol. 15, pp. 89–112.
9. Lenin, V. I. Po povodu yubileya [On the anniversary]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 tomakh* [Complete works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat; 1973, vol. 20, pp. 161–170.
10. Oizerman, T. I. *Opravdanie revizionizma. Izbrannye trudy: v 5 tomakh* [Justification of revisionism. Selected works: in 5 vols]. Moscow: Nauka; 2014, vol. 3, 741 p.
11. Struve, P. B. *Kriticheskie zametki k voprosu ob ekonomicheskom razvitii Rossii* [Critical Notes on the economic development of Russia]. Saint Petersburg: Tipography by I. N. Skorokhodov; 1894, 291 p.
12. Struve, P. B. Lev Tolstoy. *Patriotica. Politika, kultura, religiya, sotsializm. Sbornik statey za pyat let (1905–1910 gg.)* [Patriotica. Politics, culture, religion, socialism. Collection of articles for five years (1905–1910)]. Saint Petersburg: Publ. House of D. E. Zhukovsky; 1911, pp. 531–555.
13. *Menyayushchayasya sotsialnost: novye formy modernizatsii i progressa* [Changing sociality: new forms of modernization and progress]. Moscow: Institute of Philosophy of the RAS; 2010, 274 p.
14. Shishkina, V. I. *Dialektika evolyutsii i revolyutsii v obshchestvennom razvitii (alternativnye kontseptsii)*. [Dialectics of evolution and revolution in social development (alternative concepts)]. *Istoricheskiy protsess: istoki, peripetii, perspektivy* [Dialectics of evolution and revolution in social development (alternative concepts)]. Moscow, Yoshkar-Ola: Lomonosov Moscow State University, Mari State Technical University; 2003, iss. 4, pp. 45–56.
15. Huntington, S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996, 367 p.
16. *Modernization in China: the Effects of its People and Economic Development*. Beijing: Foreign Languages Press; 2004, 249 p.
17. Touraine, A. Modernity and Cultural Specificities. *International Social Science Journal*. 1988, no. 18, pp. 443–457.
18. Wu, J. *Understanding and Interpreting Chinese Economic Reform*. Ohio: Thomson, South-Western; 2005, 480 p.
19. Yang, D. L. *Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politic of Governance in China*. Stanford: Stanford University Press; 2004, 432 p.

Информация об авторе

Глазунов Н. Г. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

Glazunov N. G. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.